

Лемешева Ирина

16+

Все, как у всех

Ирина Лемешева

Все, как у всех

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Лемешева И.

Все, как у всех / И. Лемешева — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Герои повести - наши современники, которые в суете и водовороте жизни не разучились чувствовать и любить. Не все дороги ведут их к полному счастью. И порой так непредвиденны их поступки. Но такова жизнь. Книга читается легко, буквально на одном дыхании, и оставляет за собой шлейф воспоминаний. Мария Метлицкая: "Герои повести Ирины Лемешевой любят, страдают, жалеют, сомневаются, делают ошибки и находят выход, предают и остаются верны. Словом, они - одни из нас, они живые, и поэтому интересны. Рекомендую к прочтению".

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	10
Глава третья	12
Глава четвертая	14
Глава пятая	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Ирина Лемешева

Все, как у всех

Все события и герои вымышленны. Любые совпадения с реальными людьми прошу считать случайными.

Глава первая

По легенде, они познакомились в маршрутке. Возможно, сидели, прижавшись друг к другу, на заднем сиденье, а возможно – он передал через нее оплату за проезд. И обратил внимание на кольцо – точно такое он подарил жене на помолвку. Ну, а там – слово за слово. Вторая легенда была ещё более нереальна. Что, якобы, судьба столкнула их в прямом и переносном смысле в автобусе. На каком-то крутом повороте. А, собственно, почему нереальна? Безлошадные, пользующиеся общественным транспортом, всего как пять лет в стране. Она приехала с родителями и маленьким сыном, оставив за плечами короткий, но достаточно тяжелый брак. Типичная мать-одиночка, каких понаехало море. Так они и поселились все вместе – 3-й этаж без лифта, старый дом где-то там, в южном Тель-Авиве. В те годы была популярна шутка – если новый репатриант спускается с самолёта без скрипки, значит он пианист. Она не была ни пианисткой, ни скрипачкой. Хотя близко. Учительница по классу виолончели. И эту виолончель вынес из самолёта её отец. Про таких, как она, говорят "видная женщина". Изгибы её тела повторяли изгибы её любимого инструмента: широкие бедра и узкая талия, тонкие щиколотки и запястья, высокая грудь и горделивая посадка головы. И спина – прямая, ровная, как у балерины. Порода, одним словом. Со всем остальным дело обстояло немного иначе – это была внешность "на любителя", но которая обращала на себя внимание. Очень строгое лицо неправдоподобно белого цвета, нетронутое румянцем. Маска, а не лицо. Без тени улыбки. Узкое, длинное, как на иконах. Тонкие губы и очень-очень узкие глаза, глядя в которые хотелось спросить, не осталось ли у вас родни в Шанхае? Копна кудрявых волос была стянута резиночкой на макушке и каштановым водопадом низвергалась на спину и плечи. Но даже это не придавало живости её облику. Хотя, каким-то непостижимым образом угадывалось, что эта холодность кажущаяся, что это просто фасад, за которым скрывается многое. И только знакомые с ней близко знали, как преобразует это лицо её улыбка. Она была достаточно практична, чтобы понять – о виолончели, как о специальности, придется забыть. Соседи-старожилы посоветовали бухгалтерские курсы. Тогда многие из приехавших женщин-гуманитариев – всевозможные филологи и театральные критики, учителя истории, географии и музыки – внезапно нашли себя в мире сухих цифр, бесконечных бумаг и отчётов. Надо было выживать. Родители получили хостель – маленькую, уютную двушку и, конечно, не в Тель-Авиве, а в крохотном городишке на юге страны, но кто на это смотрел? Она осталась в съёмной квартире вдвоем с сыном и с мыслью, что из этого района надо выбираться: её мальчик должен ходить в приличную, нет-в-хорошую школу- и общаться с благополучными детьми. Это была идея-фикс, к которой она шла упорно, преодолевая ступени своих курсов, занимаясь параллельно ивритом и воспитывая Макса. Школа, на удивление, оказалась весьма приличной, и мечта о переезде так и оставалась мечтой вот уже почти пять лет. У него все обстояло проще: красавчик и баловень судьбы, совершенно непонятно как устроившийся на работу в фирму, одно название которой говорило очень много и новичкам и сторожкам. Только присутствие там обещало другой уровень жизни: другую зарплату, круг общения, продвижение. Он тоже приехал с родителями, но с родителями жены. Да, он был женат. На симпатичной умнице, которая, не поднимая головы, готовилась к экзаменам. Она была врачом и не собиралась менять любимую специальность ни на какую другую. А ещё у них было два чудесных сына – погодки, которых многие принимали за близнецов. И тут – среди белого дня – то ли маршрутка, то ли автобус, да разве это так важно? Что это было? Землетрясение? Тайфун? Цунами, которое безжалостно накрыло их с головой и потащило в открытое море? Они выяснили, что приехали из одного города, что у них полно общих знакомых. Была даже версия, что они дальние родственники, но она не подтвердилась. Встречи, сначала редкие, стали чаще. Жена, та, которая врач, сидела не разгибаясь, готовясь к многочисленным экзаменам. А у них начался роман. Он приносил ей цветы и

мармелад – ее любимые конфеты. Сумел подружиться с ее сыном. Пытался в чем-то помочь по дому – передвинуть шкаф или натянуть верёвку для белья, выкрутить и вкрутить лампочку. Он был электрик – спец по всяким и разным лампочкам. – Моя специальность – дарить людям свет! – так он шутил. И она утонула в этом свете, в его ухаживаниях и заботе. В его любви.

Вначале все было хорошо – и даже одинокие праздники она воспринимала, как должное – что ж, у человека семья. А потом начался абсолютно закономерный этап их отношений – она начала обижаться. На его неприходы и незвонки, на невозможность поехать куда-то вместе, да что там поехать! – просто остаться на ночь. Пыталась закончить их отношения, но не смогла – их тянуло друг к другу с неменьшей силой, чем в первый день. А, может, даже с большей. Им было так хорошо, так тепло и комфортно вместе, что она не понимала – что его держит там, в семье, где жена, сдав на врача, полностью погрузилась в работу, брала много ночных смен и дежурств по телефону. Не задавала этих вопросов, но он их видел в ее глазах. Объяснял: дети, мальчишки. И она чувствовала, что это не дежурная отмазка большинства мужиков. Он был отличный отец, более, чем отличный, и уход из семьи расценивал, как предательство больше по отношению к сыновьям, чем по отношению к жене.

– Подождем, пусть закончат школу, – обещал он.

За это годы ожидания тихо и внезапно ушел из жизни его тесть, как-то резко сдала теща, хотя по-прежнему хлопотала на кухне, затевая то пироги с капустой, то блинчики с мясом. Он получил на работе шикарную французскую машину и, наконец, осуществил мечту – они всей семьёй переехали в просторный пентхаус с видом на море. 5 комнат от хорошего строительного подрядчика (даже переделывать почти ничего не пришлось). Сменил не только квартиру, но и город – ближе к работе. Продолжал, может быть, не так быстро, но с цепким постоянством продвигаться вверх по карьерной лестнице. Жена не отставала – не сразу, но всё же, пройдя сумасшедший путь, сдала на специализацию и стала онкологом. Работала в крупной больнице центра страны, читала лекции и стала ездить на конференции – сначала по Израилю, а потом и за рубеж. Выросли и ушли в армию их сыновья.

Она так и не сменила квартиру – двушка в южном Тель-Авиве, 3-й этаж без лифта (полезно – хоть какая-то нагрузка), виолончель в углу спальни, в старом потертом футляре, по которому она любовно проводила мягкой тряпочкой. Но – неплохая работа – бухгалтер в солидной компании, правда, без возможности какого-либо роста. Машину так и не купила, с родителями виделась редко, общаясь в основном по телефону: ехать – целая история, очень далеко! – и вяло отбивалась от советов мамы "найти себе человека".

Как-то в апреле он позвонил вечером – в необычное для него время – и поинтересовался, сможет ли она взять отпуск на неделю.

– Жена завтра улетает на пару недель в Ирландию – конференция.

– И? – не поняла она.

– И мы рванем. Правда, покороче

и поближе – на Мальту. Я уже забронировал билеты. Хочешь?

Она хотела. На работе все утрясла достаточно быстро. Так же быстро собрала чемодан – что надо особенного на эти 6 дней – 5 ночей?

Это был их первый отдых вместе, и тогда она в полной мере поняла и оценила, что значит быть его женой – не думать о такси, не знать толком время вылета, не таскать чемодан, не заниматься паспортом, не заботиться о гостинице и о маршруте, о том, где пообедать и где поужинать. У него был намного больший опыт поездок, чем у нее, и все шло по плану – с утра до вечера. Так, как ей мечталось. Они ели креветки, запивая молодым белым вином, от которого пьянеется так быстро и незаметно. Заказывали горячий капучино с пенным сердечком и чудесной, ещё теплой, мальтийской выпечкой с медом, подолгу бродили по побережью, удивляясь, что их родное Средиземное может быть таким бурным и суровым. Они любовались яркими сувенирами и зависали в мастерских ремесленников. Не размыкая рук, растворялись в

тишине храмов и сбивались со счета, пытаясь понять, сколько же ступеней у этой бесконечной лестницы, ведущей в грот, о котором, видимо, не знал ни один турист. Ибо там они были одни, совершенно одни – на мокрых скользких валунах, обдаваемые мелкими и колючими морскими брызгами. Они объездили весь архипелаг – на автобусах и паромках, на корабликах, катерах и лодочках. Она поняла, что шесть дней и пять ночей – этот огромный кусок жизни, который, тем не менее, быстро подходил к концу. И ежеминутно чувствовала, что он думает о чём-то, постоянно и непрерывно, читала это в его глазах. Но вопросов не задавала. Время вопросов кончилось. Прошло. Она научилась ни о чем не спрашивать, наслаждаться моментом, отодвигать негатив за пределы круга, который очертила вокруг себя. Это была их маленькая планета, о которой не знал никто, кроме ее сына. У него тоже не знал никто, но иногда он ловил на себе взгляды тещи, пытливые, холодные и понимающие.

Дома его встретила тишина: понедельник, мальчишки в армии, жена возвращается только через неделю. Из своей спальни, шаркая, вышла теща, сухо поздравила с приездом, не спросив ничего. Дома знали, что у него командировка на Мальту, но проницательная Полина Давыдовна наверняка знала больше, намного больше. Об этом красноречиво говорил ее тон, ее взгляд, ее поджатые губы и демонстративно выпрямленная спина, ее походка, которой она удалялась в свою комнату, опираясь на красивую палку, которую они с женой привезли ей то ли из Словении, то ли из Хорватии. И он вдруг почувствовал, что внутри что-то лопнуло, как струна от гитары, с коротким и жалобным звуком. Он с удивлением понял, что совершенно не рад возвращению домой, в квартиру, в которой они жили уже более трёх лет, которую он так любил, которой так гордился. Из компании своих друзей он первый решился на такое серьезное вложение финансов, на такие ссуды. Это не был бездумный шаг – они оба понимали, что уже хорошо стоят на ногах, и что это только начало. Молодые, способные, упрямые и амбициозные, они были примером для многих. Звездная пара.

Он обожал сидеть на огромном балконе и с высоты 9-го этажа наблюдать, как красный шар солнца скатывается в сверкающую толщу моря, и как ещё некоторое время нежно и перламутрово розовеет небо над горизонтом. Сидел чаще всего один-жена то занималась, готовясь к очередному экзамену, а потом – к лекциям, то брала ночные смены. Эта гонка развела их в разные стороны, как боксеров на ринге. Что-то безвозвратно ушло из их отношений так незаметно, буднично, без скандалов и выяснений, что было понятно – этого уже не вернуть. И тут же почувствовал, что уже скучает. Скучает по Мальте и их номеру в 4-х-звездочной гостинице, с балконом и видом на залив, усыпанный белоснежными парусниками. По ее глубокому голосу и по ее ладоням, необыкновенно мягким и теплым даже в прохладные вечера. Вдруг вспомнилось, как они ехали на втором этаже открытого красного туристического автобуса. Было холодно и ветренно, и она, заставив его надеть шапку, обмотала его лицо своим шарфом, оставив открытыми только глаза. Это было так смешно. Она дурачилась, говорила, что он похож на террориста и советовала ограбить какой-нибудь мальтийский банк-покрупнее. Как они катались на кораблике и, когда началась сильная качка, шутник-капитан врубил песню из "Титаника". Вокруг смеялись немцы и итальянцы, и она тоже смеялась, но вдруг, поняв, что ему некомфортно, перестала и просто молча сжала его руку. Он понимал, что между той снежной королевой, которую он встретил случайно по пути на работу, и этой – живой, теплой и смешливой – такая большая разница. Пропать. Не сразу, но он сумел растопить лёд, вернуть улыбку и краски на ее лицо. Он раскрыл ее – новую – и для себя и для нее самой. Не сразу, шаг за шагом, продираясь через ее обиды и его непонимание, они выстроили нечто, без чего он просто не мог больше существовать. Не мог дышать. Не мог жить.

Рука машинально нащупала мобильник:

– Лиз, ты дома?

– Дома, конечно, а где же мне ещё быть? – она ответила мгновенно, как будто сидела и ждала этот звонок. И действительно, где? Где же ей ещё быть, если он сам отвёз её домой меньше, чем два часа назад.

– У тебя всё в порядке? – это был её обычный вопрос, вопрос – утверждение, вопрос – надежда, что у него все отлично – всё, включая здоровье, работу, семью, детей, настроение.

– Все ОК. Я приеду, Лиз. Сейчас. Хорошо?

– Сейчас? Хорошо, – она отозвалась, как эхо, лишь поменяв местами точку и вопросительный знак.

Была такая песня во времена его юности, которую так любила его мама:

"Мы эхо, мы эхо,

Мы долгое эхо друг друга"...

В доме стояла звенящая тишина. Он машинально потёр переносицу и вспомнил, что надо разгрузить чемодан – сыры, мальтийское вино и ликеры, майки мальчишкам, и так, по мелочам: сувениры и сувенирчики, коробочки и свёртки. Две огромные яркие керамические рыбы – подарок жене, увлекавшейся фэн-шумом и приветствующей дома морские мотивы, он собирался повесить на балконе или в кухне. Собирался. Рыбы были добротно упакованы в пузырчатую пленку и тщательно обернуты его майками – Лиз постаралась. Все пришло целое, ничего не разбито. Целые рыбы и разлетевшаяся на мелкие кусочки его жизнь – такая устоявшаяся и цельная. Он аккуратно сложил сыры на первую полку холодильника и вышел, тихонько притворив за собой дверь. Задумавшись на мгновение, вернулся за распотрошенным чемоданом. В квартире по-прежнему было тихо.

Глава вторая

А дальше пошло все так, как пошло. И не всегда, как он предполагал. До окончания срока съёма крохотной квартирki в южном Тель-Авиве оставалось два с лишним месяца. Чеки были расписаны вперёд и отдавать их хозяин, конечно же, не собирался. Так и объявил по телефону: договор есть договор. Прошло 13-14 лет с начала большой Алии, и найти желающих на этот этаж, а особенно – на этот район – было уже не так-то просто. Поэтому решили использовать эти месяцы чтобы спокойно подыскать что-то симпатичное в лучшем районе и в приличном доме. Решили остаться в Тель-Авиве, из-за ее работы.

В конце недели он позвонил в Ирландию выяснить номер рейса и время прибытия. Он всегда встречал жену с конференций и сегодня это было для него особенно важно – чтобы всю информацию она получила от него, хотя...наверняка, она уже в курсе. По телефону было совершенно неясно, что именно ей известно. Ровный, чуть усталый голос, никаких эмоций и рассказов о стране – в целом, всё, как всегда. Впервые за все эти дни его буквально обожгла мысль – дети, его мальчишки уже дома, вернулись на конец недели. Как правило, пока жена занималась или дежурила, он встречал их, приводил в порядок форму – стирал, сушил, гладил, а потом выгуливал своих солдатиков.

Они очень любили шашлычную неподалеку, где набирали все виды шашлыка, салаты, соленья, хумус, лепешки. А он с удовольствием смотрел, как они едят и делятся друг с другом историями о своей службе. Слушал вполуха – ему достаточно было видеть их – здоровыми, сильными, совсем взрослыми, но все равно остающимися его мальчишками с лицами, перепачканными хумусом, как в детстве.

Что они думают о его таком "английском" уходе из дома? Что они слышали от бабушки? Почему не звонят – ни один, ни другой? Они умные, душевные, тактичные, они – его сыновья и просто обязаны его понять. Он вспомнил, как учила его мама лет в 13-14:

"Хочешь быть услышанным – скажи. Хочешь быть понятым – объясни". Он помнил эти фразы всю жизнь. Мама ушла рано, но те простые истины, которые она пыталась посеять в его сердце, он не забыл. Хотя, сейчас плохо представлял, как и что сказать, а тем более – как объяснить? Кому угодно мог, но только не своим мальчишкам.

Рейс из Дублина прибыл вовремя. Он погрузил ее багаж, спросил, как было.

– Обычно. Лекции с утра до вечера. Погода жуткая, холодно. А ты как съездил?

– По кофейку? – вместо ответа спросил он.

Она безразлично кивнула.

Они припарковались возле "Аромы" – их любимого кафе. Было немногочисленно. Им повезло попасть в такой час, когда можно занять любое место, не ожидая в очереди. Сели у окна, в углу. Заказали, как обычно, по капучино – он без молока, она – погорячее. Сидели молча, сосредоточенно мешая чайными ложечками кофе в чашечках с логотипом кафе, безжалостно разрушая пенные сердечки, превращая их в невнятные обрывки, так похожие на острова Мальтийского архипелага.

Она сняла очки – модная оправка от Роберто Кавалли, покупали в Риме – и легонько помассировала виски и уголки глаз.

Потом долго протирали стёкла и, наконец, спросила:

– Почему не пьешь? Остынет. – Она не переваривала теплый капучино, всегда просила принести "погорячее".

Привычно развернула крошечный квадратик молочного шоколада, осторожно опустила в чашку. Называла это "побаловать себя". Он знал наизусть ее многие привычки из той, прежней жизни и новые, появившиеся уже здесь. Они были вместе уже так давно.

– Знаешь, Лера, – начал он, не притронувшись к кофе.

– Знаю, – немедленно откликнулась она. – Давно.

Он опешил.

– Да, – продолжала она. – Ты хочешь спросить, почему молчала? Ну, во-первых, ждала, чтобы дети закончили школу, потом – чтобы вернулись из армии. Я не имела права так поступать с ними, вешать на них наши проблемы, пока они там... Она неопределенно взмахнула рукой. – Ты же знаешь, какой Ленчик, ну, а Давидка – вообще...

Да, он знал своих детей, знал, каким ударом будет для них это известие.

– Вот и хотела потянуть ещё немного. Но сейчас я поняла – нельзя жить во лжи, – она пригубила остывший кофе, поморщилась и повторила четко и отдельно:

– Нельзя жить во лжи. Я объясню им все сама.

В машине они молчали. Так и ехали час с лишним в абсолютной тишине.

Он выгрузил ее чемодан из багажника, предложил проводить до двери, но она отказалась.

– Четыре колеса – сами едут, сами правят, сами к бабушке доставят.

Он сам покупал ей этот чемодан, лёгкий, красивый, вишнёвого цвета с матовой черной окантовкой – специально для конференций, чтобы ей было легче, когда его нет рядом.

– Ладно, пока, – она легко помахала рукой. – Встретимся у адвоката. Я думаю, что проблем у нас не будет. Завтра я подаю на развод. Скажем на суде, что не сошлись характерами.

Он не помнит, как доехал домой – в этот жуткий район южного Тель-Авива, в эту убогую квартирку, в которой хозяин давно обещал побелить стены, сменить трисы и починить кран на кухне. Это был сумасшедший контраст с той квартирой, в которой он жил уже больше трёх лет. Но ему было хорошо там, где была Лиз. Тепло и уютно. Когда душа не рвалась никуда, а просто чувствовала себя дома, словно укрытая чем-то тончайшим, невесомым и необыкновенно теплым. У его мамы был когда-то такой ажурный пуховый белоснежный платок, который назывался "паутинка". Практически невесомый, с лёгкостью проходящий через кольцо, он приятно согревал плечи.

Лиз тоже согревала – легко и невесомо – одним своим присутствием.

Вот и сейчас – она ничего не спросила, почему он припозднился после работы, лишь кивнула, как обычно:

– Ты в порядке?

Да, он был в порядке.

Глава третья

И полетели дни и ночи, ночи и дни.

К середине лета они переехали в приличную 3-хкомнатную квартирку с лифтом и стоянкой. Правда, на последнем этаже, но с кондиционером. Без вида на море, но в нормальном районе, с нормативными соседями, не лезущими в душу и не набивающимися в друзья, не жгущими костры на лестничных площадках, не ломающими почтовые ящики, исправно платящими взносы в домовый комитет. Шесть этажей, стоянка, опрятная лужайка вокруг дома, а самое главное – очень тихая и спокойная улочка в центре это белого, в чём-то безумного, но такого любимого города, пахнущего кофе, морем и каникулами.

Макс, возвращался в конце недели, и они его почти не видели. Мальчик-подросток, с которым ему удалось подружиться когда-то, превратился в огромного, заросшего щетиной парня, немного флегматичного, не задающего лишних вопросов и никак не прореагировавшего на факт их объединения. Ему оставалось совсем немного до выхода из армии, и он собирался поступать в колледж в провинциальном городишке на юге страны. Он сам принимал решения, ни с кем особо не советуясь – мальчик, выросший без отца и так быстро ставший взрослым и самостоятельным.

В середине августа пришло письмо от адвоката уже на новый адрес – есть такая услуга на почте – переадресовка. Сначала после переезда он хотел связаться с Лерой и сообщить новый адрес, а потом раздумал. Переадресовка – это проще. Адвокат предлагала дату для встречи в немного странном месте – в кафе, а не в офисе. Это оказалась женщина средних лет, тем не менее, имеющая маленького сына, о котором упоенно рассказывала, сообщая все новые и новые детали о его предпочтениях в еде, играх и игрушках.

Лера понимающе кивала головой, пила в эту жару свой горячий капучино и терпеливо ждала паузы, чтобы вернуть пару слов и перейти, наконец, к делу. Наконец, адвокат, которую почему-то звали совершенно русским именем Дарья, видимо, поняла, что рассказала достаточно об обожаемом наследнике, пригубила минералку со льдом, в котором плавал тонкий ломтик лимона, и спросила, улыбнувшись:

- А вы знаете, почему мы встречаемся в кафе, а не в офисе?
- Угадать с трёх раз? – он не удержался, чтобы не съязвить.
- Попробуйте, – милостиво разрешила Дарья, принимаясь за чизкейк.

Он с трудом сдерживался, чтобы не нахамить. И где достала Лера этого, с позволения сказать, адвоката?

– Понимаете, – доверительно улыбнулась Дарья. – В офисе начинаются крики, споры, а здесь – она тетрално повела рукой, – а здесь – люди, не очень-то покричишь.

Да, конечно, она была права, эта адвокат, работающая с темпераментными израильтянами, которые просто не в состоянии были решать дела спокойно.

А потом... потом она действительно оказалась толковым специалистом и предложила вариант, о котором они даже не думали: он продолжает выплачивать их квартиру-мечту в Нетании, а она платит его съём квартиры – до определенной суммы, разумеется. И так десять лет, а дальше... Дальше квартира будет продана и деньги разделены пополам. Все по закону. Если не поступит новых предложений, удовлетворяющих обе стороны.

– Таким образом вы уберёжете детей от травмы, которую наносит развод. И среди этого хаоса сохраните для них островок спокойствия – их дом.

– А насчёт раздела имущества, – продолжала Дарья.

– Никакого имущества, то есть, никакого раздела, – раздражённо перебил он, уже не думая ни о каких приличиях. Все остаётся в квартире, – он чувствовал, как нестерпимо хочется ему покончить с договором, покинуть это милое кафе в деревенском стиле и не видеть перед собой

лицо Леры, которая сидела молча и вроде бы совершенно спокойно. Лишь пляшущая туфелька без каблука на большом пальце ее правой ноги показывала, что спокойствие это даётся ей совсем нелегко.

– Машина тоже остаётся, – торопливо добавил он, опережая ее вопрос. – У меня машина с работы.

– А вы благородный, – покачала головой адвокат. – Таких сегодня немного. С вами можно было бы встретиться и в офисе.

Она задумалась, видимо, о чем-то своем. Потом встряхнув головой, словно прогоняя ненужные воспоминания, сообщила, что письмо будет готово в течении недели и выслано заказной почтой. А дальше – суд, развод и свобода.

К стоянке они шли молча. Наконец, он набрался смелости:

– Как Ленчик, Давидка? Что у них?

– Они взрослые, умеют разговаривать, мог бы позвонить, спросить, – желчно ответила Лера.

Его обдало горячей волной стыда за свою тупость. Он ждал, что они позвонят, с обидой осознавая, как стал вдруг совершенно не нужен своим мальчишкам.

А они...они, наверняка, думали то же самое.

– Я позвоню, сегодня же позвоню, – торопливо пробормотал он.

– Лучше завтра, завтра к вечеру они будут дома.

– Да, конечно, завтра. Пока, Лера, – он протянул руку, но она лишь помахала на прощание пальцами с безукоризненным маникюром и пошла к машине. Он стоял и смотрел вслед женщине, матери своих детей, по-прежнему интересной, ухоженной, успешной, так многого добившейся в новой стране, но не сумевшей удержать мужа и сохранить семью.

Глава четвертая

Лето прошло быстро, пролетело в каких-то мелких заботах. Главное – он наладил связь с детьми. Сначала это была переписка короткими эсэмэсками, а потом они встретились – в той же шашлычной. И были шашлыки и салаты, лепешки, хумус и соленья. И совсем рядом были любимые лица – загорелые, повзрослевшие. Они не виделись почти 4 месяца. Вроде немного? Много, очень много. Он чувствовал, что пропустил что-то в их жизни, и это что-то не вернуть, не восстановить. Они не задавали вопросов, не напрашивались в гости. А он не звал, не был уверен в их реакции.

В сентябре их развели по суду, и только тогда Лера сообщила о происшедшем их общим друзьям. Это был эффект разорвавшейся бомбы. И отголоски этого взрыва он ощутил сразу.

В октябре был день рождения у двоих из их компании, с разницей в три дня. Уже годы справляли традиционно: пикник на природе, гитара, капустник с переодеваниями, байки-анекдоты, много вина, мяса, зелени и хлеба. Было у них свое место в лесу под Иерусалимом – длинные деревянные столы, места для мангалов. В этом году его не позвали. Жены его друзей, с которыми он учился в университете, встали дружной стеной (тогда он понял, что женская солидарность – это реальность и сила). Они дружили семьями ещё до репатриации и не могли, да и не хотели видеть на месте Леры другую женщину.

Он встретился с ними в баре после работы. Поздравил. Но чувствовал, что разговор не клеится, ловил их взгляды – непонимающие, сочувственные и осуждающие одновременно. А ещё – их задело, как он мог столько времени хранить в тайне эти долгие отношения с Лизой. Они пили пиво с солёными орешками, перебрасывались ничего не значащими фразами и только в конце Борька, с которым они дружили с седьмого класса, неуклюже спросил:

– Как же так, брат?

Ему ужасно хотелось показать фотографии Лиз – она была очень фотогеничная. Рассказать, что он чувствует с ней каждое утро, поведать об их неспешных пятничных вечерах, когда она включает торшер и достает из футляра свою виолончель. И пространство их салона заполняется медовыми протяжными звуками, не спеша повествующими о чем-то очень важном и понятном только им двоим. Он хотел рассказать, но понимал – нет, не поймут. Осудили, заклеямили. И это надолго, если не навсегда. По дороге к стоянке Борька не выдержал и задал вопрос, который, видимо, мучил его весь вечер.

– Слушай, а нельзя было всё это... ну..как-то так...потихоньку? – его друг неловко развел огромные руки. Он понял этот неумело сформулированный вопрос и ответил словами Леры:

– Нет, нельзя. Нельзя жить во лжи.

Осень началась рано и неожиданно – никакого перехода от изнуряющей жары к затяжным дождям. Как-то внезапно наступал вечер, вползали в дом на мягких лапах сумерки, театрально завывал ветер за окном, и колотился в стекла дождь, по которому так скучалось летом.

Лиза не любила верхний свет, включала торшер, который зачем-то запихнули в багаж её родители и который, на удивление, дошел целым. Старая вещь, место которой, в лучшем случае, на блошином рынке, он удивительно вписался в их незамысловатый интерьер.

– Я назову его Марик, смеялась Лиза. – Он, так же, как и ты, дарит свет.

Она приходила домой раньше, готовила, красиво накрывала на стол, то есть придавала ужину какой-то внутренней и глубокий смысл, помимо поглощения пищи. Так было, когда они встречались, так осталось и сейчас. И он был ей очень благодарен за это.

Им не нужны были подпитки для их отношений – частые походы в кино, в театр или на концерты. Им было настолько тепло вместе, настолько органично они себя ощущали дома, даже находясь в разных комнатах, что это удивляло обоих. Макс приходил поздно, а потому все эти длинные и дождливые вечера они были дома одни.

По субботам иногда ехали к морю – брали термос с кофе, черный 90% -ый шоколад – ее любимый, теплые пледы, чтобы постелить на пляжные стулья и укутаться, насколько это возможно. Сидели молча, наблюдая за свинцовым морем, за танцующими волнами, оставляющими пенное кружево у их кроссовок, за белой цаплей, которую сносило ветром, но которая прямо гуляла по воде, смешно переставляя длиннющие ноги.

Если начинался дождь – возвращались домой или прятались в прибрежной кафешке, где их уже знали и приветливо улыбались, принимая заказ. Ничего особенного: какой-то горячий чечевичный суп, скорее, даже не суп, а похлёбка с румяными гренками, или чипсы с кебабами, которые они поливали кетчупом, или просто теплый хумус с островками оливкового масла на поверхности и щедрой горстью кедровых орешков. Его подавали с чуть подпаленными по краям питами, от которых пахло костром, и с крошечной салатницей, в которой теснились мелко нарезанные соленые огурчики. И это было невероятно вкусно.

Несколько раз съездили навестить Лизиных родителей. Посидели душевно и тепло, и Лиза видела, как приятны им эти посиделки. Теперь они не будут так одиноки и оторваны – в декабре Макс переезжал в этот городок и, хотя жить собирался на съеме, но тут-там сможет заскочить к деду – бабе, уделить им внимание.

Иногда Лиза думала, как несправедливо всё-таки устроена жизнь : почему ее сын должен был вырасти без отца? Почему она оказалась так оторвана от родителей, живя с ними в одной стране? Почему они не имели возможность часто видеть своего взрослеющего единственного внука? И почему, наконец, они с Марком не пересеклись в той, прошлой жизни? Они,

жившие в одном городе, ходившие в один зоопарк, обожавшие одни и те же качели в городском парке и бегавшие после уроков в "Снежок" – кафе- мороженое в тенистом сквере в самом центре города. У них, познакомившихся в другой стране, были общие воспоминания: о любимых кинотеатрах и ноябрьских демонстрациях, о булочках с изюмом и огромных арбузных развалах на известном на всю страну базаре, о бочках с таким холодным морсом, от которого ломило зубы, и который, по слухам, делали из ее любимых конфет – барбарисок. Они оба выращивали в больших картонных коробках шелковичных червей, кормили черепашек мелкими белыми цветочками, называемыми в народе "кашка", и запускали весной привязанного за лапку майского жука.

Но судьбе было угодно, что они не встретились там, в их теплом южном городе. Там он встретил Леру. Все восхищались сочетанием их имен – Марк и Валерия. И вообще, они были пара во всех смыслах. Он как- то показал ей фото. Были... Она, Лиза, совершенно не имела планов уводить его из семьи. И это, наверное, тоже была судьба, чей-то план сверху.

И были его дети, сыновья: Леон и Давид. Она очень хотела познакомиться с ними и понимала, как непросто это осуществить. Кто она в их глазах? Любимая женщина их отца или разлучница, уничтожившая привычное течение их жизни, сломавшая их семью?

Глава пятая

В начале декабря Макс уехал на юг. Снял квартиру ещё с двумя ребятами – по цене выходило нормально. О его быте она не беспокоилась – все же бабушка и дедушка под боком, голодным не будет. Стирку можно привозить на конец недели, как во время службы. Впрочем, он и конец недели не собирался проводить на диване – договорился о работе в итальянском ресторанчике официантом. На этом фронте всё было спокойно.

Но его мальчишки не выходили у нее из головы.

В середине декабря был его день рождения. Сначала она хотела поздравить его по-королевски – взять две ночи в гостинице или циммере где-то на севере – с джакузи, свечами на длинных тонких цепях и лепестками роз на кровати. С камином и прогулками по окрестностям, с травяным чаем на завтрак и белым вином на ужин. Но потом опомнилась – вот она, та возможность, другой такой ещё ждать и ждать. Если дождешься.

Она интуитивно чувствовала, почему он не приглашает детей – боится отказа. А потому приложила все свои способности, чтобы убедить – вот, именно сейчас этот случай – его день рождения, и что можно, наконец, представить их друг другу, и что меньше, чем через полгода они выходят из армии, а там – кто знает. Разлетятся... разбегутся.

К ее предложению он отнёсся на удивление спокойно, видимо, сам думал об этом.

– Чем будешь удивлять? – улыбнулся он.

Да она готова была стоять на кухне несколько дней, чтобы накрыть красивый и вкусный стол, домашний, отличающийся от армейского меню. Но, вместо перечисления своих коронных блюд, спросила только:

– А что они любят?

Ребята пришли с подарочной бутылкой коньяка и небольшим, но очень красивым букетом – для неё. Она заранее любила этих детей только за то, что они были его дети, но этот букет буквально растопил ее сердце. И не было никакой неловкости, и сразу завязался разговор – пустой, но лёгкий и непринуждённый. Разговор о том-о сем – о погоде и службе, о планах после выхода из армии. Они освобождались с разницей в несколько месяцев, и планы были грандиозные. Старший, закончивший 13-й класс по специальности "электроника" и работавший в армии в этой области, не хотел тянуть время и собирался сразу поступать в Технион.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.